

Алексей Тепляков

**Экссессивная повседневность спецпоселений ГУЛАГа 1933 г.:
сибирское измерение***

Alexey Teplyakov

*(Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk)*

**The excessive everyday life of the GULAG special settlements in 1933:
the Siberian dimension**

DOI: 10.31857/S2949124X24030221, EDN: GBMIYE

В исследованиях раннесоветской эпохи, особенно периода сталинизма, один из самых важных вопросов — о природе установившегося политического строя и характере его взаимодействий с обществом. Историки сходятся в понимании режима как персоналистского и идеократического, действовавшего при помощи мобилизационных и охранительных (репрессивных) приёмов и подходов. Данная трёхкомпонентность (идеократия, мобилизация и охранительность) предполагает общность характеристик: если исходить из известной оценки сталинского режима как избыточно репрессивного (О.В. Хлевнюк), то следует заключить, что последний также являлся избыточен в идеократичности и мобилизационности.

Какое место занимал феномен репрессивной избыточности в раннесоветскую эпоху? По завершении Гражданской войны выход государственного насилия за установленные в законодательстве пределы камуфлировался такими эвфемизмами, как «эксцессы», «перегибы», «ненормальности» и т.д. На деле имело место перерождение формально подавленного в начале 1920-х гг. красного бандитизма. Поначалу это явление представля-

ло собой сознательный политический разбой со стороны партийно-советских и чекистско-милицейских органов на местах, прикрытый «классовой» риторикой. На рубеже 1920–1930-х гг. он превратился в полноценный инструмент проведения политического курса — руководство страны всячески использовало произвол низовых властей, наказывая последних только в случае эксцессов.

На деле избыточная репрессивность являлась нормой большевистской диктатуры: постоянные «перегибы», несмотря на их очевидные издержки, выступали рутинным сопровождением важнейших управленческих действий. Соответственно сложилась и неформальная иерархия эксцессов. Центральная власть в нэповский и последующий периоды считала бесчисленные «рядовые» криминальные действия на местах (незаконные аресты, высылки, конфискации в отношении крестьян-недоимщиков, нэпманов, священников и всевозможных «бывших») необходимыми, призванными вытеснить ненужные социализму слои на обочину жизни. Замкнутая иерархическая система, основанная на директивах центра, порождала и развивала

* Спец(труд)поселения Западной Сибири в 1933 году: повседневность комендатур, Назинская трагедия. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, О.В. Филиппенко. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 470 с.

Материал подготовлен в рамках госзадания «Социум и власть в России в XX — начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024–0008).

произвол исполнителей. В этой связи самые лояльные из них оказывались и самыми жестокими — не жалели тех, кого объявили врагами, и совершали вопиющие должностные и уголовные преступления, которые наверху признавались вредными и опасными. Поэтому за «перегибами» следовало ритуально-демонстративное наказание некоторых активистов.

Один из таких эксцессов обстоятельно освещён в новейшем документальном сборнике «Спец(труд)поселения Западной Сибири в 1933 году: повседневность комендатур, Назинская трагедия». Его составителями выступили профессор С.А. Красильников — ведущий специалист по проблемам «репрессивного раскрестьянивания» и борьбы с маргинальными слоями, и молодая исследовательница О.В. Филиппенко — автор ряда содержательных публикаций по истории депортаций сталинской эпохи.

Сборник содержит более 80 документов, насыщенных ценной информацией о намерениях и результатах ссыльнопоселенческой политики. Они выявлены в фондах Государственного архива Новосибирской области (ГА НО), а также в Архиве Президента РФ и в Центральном архиве ФСБ России, относятся к разным уровням власти и, разумеется, весьма тенденциозны. Однако их содержание рисует яркую картину штрафной колонизации Нарымского севера в начале 1930-х гг., ставшей результатом усилий по «очистке» городов центральной части страны и приграничной территории от «деклассированных элементов». В сборнике два тематических раздела: «1933 год: повседневная жизнь на спецпоселении», касающийся первых двух волн крестьянской ссылки (1930–1931 гг.), и «Высылка “нового контингента”. Назинская трагедия», посвящённый депортации маргиналов. Документы дают возмож-

ность заглянуть в повседневность двух миров спецпоселения — крестьянского и городского «деклассированного». В первом выживание в экстремальных условиях достигалось в немалой степени за счёт традиционной самоорганизации (семейной, родственной, соседской) и сохранения трудовых навыков и опыта; второй же оказался поражён индивидуальной и групповой (в случае рецидива) социально-трудовой деградацией, а выживание неизбежно принимало криминальные формы.

Издание можно отнести к разряду аналитического документоведения. Отмечу написанное Красильниковым развёрнутое предисловие, в котором отражены ключевые моменты рассматриваемой депортации, оказавшейся — как по замыслу, так и по исполнению — самой провальной из массовых операций такого рода за все 1930-е гг. Источники сопровождаются профессионально выполненными археографическими комментариями, куда входят расширенная легенда, передающая не только резолюции и пометы, но и факты выявления других экземпляров документа, а также более ранних публикаций того или иного из них. В целом доля аналитики составила шестую часть объёма издания. В этой связи необходимо указать, что рассматриваемый сборник — логическое продолжение подготовленного Красильниковым небольшого издания о «Назинской трагедии»¹. По объёму он увеличился в два с половиной раза, существенно расширив представление об одном из драматических событий (впрочем, далеко не единственном) в сибирских комендатурах.

Под Назинской трагедией понимаются события лета 1933 г., произошедшие близ деревни Назино Александровского района Западно-Сибирского края (ныне — северный район Томской обл.), где приток речки

Назиной впадает в Обь. Сюда, на небольшой по размерам остров, вскоре после весеннего ледохода выгрузили пассажиров, прибывших из Томска, — 6 тыс. «деклассированных элементов», высланных из Москвы и Ленинграда. Наряду с городским «дном» и рецидивистами в их числе оказалась и часть схваченных в милицейских облавах рядовых жителей (служащие, рабочие, даже коммунисты). За две недели погибли около 1,5 тыс. человек. Высокая смертность среди «островитян» сохранялась и в спецпосёлках, спешно созданных на берегах Назиной и соседней речки Паня, куда их перевели.

Итогом драматических событий служит статистика, представленная краевой комиссией, подробно расследовавшей случившееся, в сентябре 1933 г. Всего в Александрово-Ваховскую комендатуру, на территорию которой завоз высланных продолжался и после Назино, поступили около 10 тыс. человек. 2 тыс. закоренелых рецидивистов отправились в СибЛАГ, а в местах расселения осталось всего 2 тыс. человек, среди которых только 10–15% были пригодны для выполнения физических работ, остальные оказались больными или слабосильными. «Разрыв» в 6 тыс. комендатура оценила как умерших и числившихся в бегах, причём последних считали наверняка погибшими в непроходимой тайге и болотах (с. 29).

Назинские события оказались столь резонансными, поскольку информация о громадной смертности, отягчавшейся случаями каннибализма, поступала из нескольких конкурировавших партийных и лагерных каналов — с мест в Новосибирск, краевые органы, а оттуда в Москву. Кроме того, криминализировалась ситуация в самой комендатуре: уже в спецпосёлках бежавшие рецидивисты сбивались в банды и грабили местное население, которому прихо-

дилось защищаться, в том числе путём расправ над нападавшими.

Такие обескураживающие результаты побуждают обратиться к самой карательной операции 1933 г., оценить её цели и итоги. Официально она мотивировалась последствиями коллективизации, вызвавшей бегство нескольких миллионов крестьян в города, пригороды, на новые стройки и т.д. Страну охватили массовые эпидемии в сочетании с голодом, унёсшим жизни не менее 7 млн человек, повысилась и преступность. Традиционные меры (аресты и проч.) задачи изоляции маргинальных элементов решить не могли, тюрьмы быстро оказались переполнены. Стремясь пресечь угрозу социального взрыва, ОГПУ предложило осуществить «зачистку» центральных и приграничных областей страны, выслав в отдалённые регионы в течение весны—лета 1933 г. ориентировочно 2 млн человек (по 1 млн в Западную Сибирь и Северный Казахстан). Это поразительно, ведь депортация крестьянства, в том числе расселение и хозяйственное устройство высланных, охватившая около 2 млн человек, длилась уже три года и ещё не была завершена.

План операции, направленный руководством страны 13 февраля 1933 г., занял более 10 страниц и содержал подробное перечисление технологии «зачистки» и требуемых на её проведение ресурсов. Примечательно, что председатель СНК СССР В.М. Молотов отреагировал на запрошенную сумму (1 млрд 394 млн руб.) резолюцией «Расходы грубо преувеличены», тогда как резолюция генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина касалась лишь новой линии в операции («Надо связать это дело с разгрузкой тюрем»). Соответственно, Сталин добавил в план высылки и уголовников (с. 173).

В итоге в силу многих причин ни плановые масштабы высылки, ни

её ресурсное сопровождение не выдержали испытания реальностью. Всего в течение весны—осени 1933 г. в спецпосёлки (трудовые поселения) удалось депортировать лишь 270 тыс. человек, из них около 132 тыс. — в Западную Сибирь, а на проведение операции ведомство получило сумму примерно в 10 раз меньше запрошенной. Сами масштабы высылки и её организационные аспекты десятикратно(!) рассматривались Политбюро ЦК ВКП(б) и корректировались его постановлениями. Столь резкого несоответствия между директивным планом и его реализацией не знала ни одна из крупных депортаций сталинского периода.

Итоговые цифры, отправленные сибирскими чекистами в Москву по завершении операции в ноябре 1933 г., свидетельствовали: из ввезённых 132 тыс. выбыли 45 тыс., в том числе поступили в лагеря 13 тыс., сбежали и умерли 22 тыс., по разным основаниям освободились 4,5 тыс., часть осталась на фильтрации в пересыльных комендатурах. Наиболее трудоспособных (более 70 тыс., в основном крестьян с семьями) распределили по комендатурам региона. Весной 1934 г. руководитель ОГПУ Г.Г. Ягода признал, что «освоение одиночек из числа городского деклассированного элемента не даёт должных результатов» (с. 30).

Происходило это во многом потому, что надзорный состав комендатур ОГПУ—НКВД (поселковые коменданты и стрелки) нередко комплектовался из уволенных из милиции и пенитенциарной системы за всевозможные злоупотребления и девиантное поведение. Когда в течение 1930—1931 гг. в северных районах Нарымского края расселили около 215 тыс. ссыльных крестьян, в связи с чем потребовалось сформировать штаты 12 районных комендатур численностью около 1 тыс.

работников, то в течение года (лето 1931 — лето 1932 г.) в ходе проверки и «чистки» состава пришлось уволить за различные должностные нарушения и преступления 650 сотрудников, или две трети штатной численности, причём каждого десятого осудили по уголовным статьям². Девиантности продолжались и в 1933 г., когда только с апреля по август по комендатурам СибЛАГа за злоупотребления должностным положением привлекли к уголовной ответственности 112 работников — каждого шестого (с. 403).

В Назинской трагедии эксцессивность приняла обоюдный характер. На территории комендатуры фактически шло противостояние двух миров — уголовного и охранительного. Сотрудники ОГПУ выявили 11 случаев людоедства и тех, кто совершил эти преступления. Краевое полпредство ОГПУ летом получило полномочия решением «тройки» применять к наиболее отъявленным уголовникам любые меры вплоть до расстрела. С мая по октябрь 1933 г. за уголовные преступления осудили 84 депортированных, из них к высшей мере наказания приговорили 34 человек.

Естественно, что в сложившейся обстановке вседозволенность и ощущение безнаказанности в отношении высланных превратились у комендантов и стрелков в обычай. Комиссия установила факты нарушений со стороны 26 работников комендатуры: избиения вплоть до убийств, расширение продовольственных и других ресурсов (одежда, обувь и т.д.), мародёрство, скупка за бесценок вещей у высланных. В этом ряду оказались и сотрудники аппарата СибЛАГа, назначенные на роль «стрелочников» при расследовании трагедии. Всё это стирало грань между охранниками и уголовниками.

Ключевая причина произошедшего — не в «перегибах исполни-

телей», а в самой природе режима, для которого цель («строительство светлого будущего», нового общества) оправдывала любые средства её достижения. При этом предполагалось, «очищая» страну от «бывших», «контрреволюционеров», «кулаков», «социально опасных и вредных элементов», не «ликвидировать» их сразу, а по возможности эксплуатировать их труд в лагерях, колониях, спецпоселениях, не считаясь с ценой ошибочных и даже преступных решений на всех уровнях руководства.

Остров Назино, ставший огромным тайным кладбищем, в начале XXI в. могучая Обь размыла до основания. Остров-погост исчез бесследно, но память о Назинской трагедии остаётся темой, занимающей и исследователей (причём не только отечественных), и публику. Рецензируемый документальный сборник вносит основательный вклад в осмысление этой тягостной страницы отечественной истории. Следует добавить, что его неплохо бы дополнили документы из личного партийного дела одного из виновников трагедии чекиста М.З. Белокобыльского, хранящиеся в ГА НО. А поскольку сходные эксцессы наблюдались тогда и в других регионах³, то работы у историков советской пенитенциарной системы ещё много.

Жизнь и зачастую мучительная смерть отправленных выживать в На-

рым узников и поныне известна очень фрагментарно. Поэтому впереди составление книг памяти с биографическими данными на такого рода ссыльных, а также документальные издания об их существовании в сибирской изоляции. Дополнят картину жизнеописания антигероев штрафной колонизации — деятелей комендатурной системы, тысячи представителей которой много лет занимались охраной и «чекистским обслуживанием» ссыльных. Предлагаемый сборник — существенный вклад в историю такого феномена, как нарымская ссылка второй четверти XX в.

Примечания

¹ 1933 год. Назинская трагедия. Документальное научное издание. Томск, 2002. Следует указать, что документы данного сборника послужили основой вышедшей через несколько лет книги известного французского историка Н. Верта (*Werth N. L'île aux cannibales. 1933, une déportation-abandon en Sibirie. Perrin, 2006*).

² Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 гг. Новосибирск, 1993. С. 241—242.

³ Так, начальник Котласского оперсектора полпредства ОГПУ по Северной обл. И.А. Ардачев в марте—мае 1933 г. допустил массовую гибель ссыльнопоселенцев при этапировании по территории Дальневосточного края. Коллегия ОГПУ осудила его на три года концлагеря, однако уже в 1934 г. он типичным для подобных деятелей порядком был амнистирован за «хорошую работу» (РГАНИ, ф. 6, оп. 1, д. 228, л. 115).